

ДАНТОВЫ КООРДИНАТЫ КАК КООРДИНАТЫ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Владимир Конев¹

Abstract

Social space is interpreted in the article in terms of heterogeneous space. The author identifies three types of social space: civilization space, stratification space and cultural space. Space of social stratification forms the social coordinates (P. Sorokin), which like the Cartesian coordinates predetermine an individual by means of identification with the environment. Cultural space predetermines the relationship of axiological values and is characterized by Dante's coordinates.

Dante's coordinates in contrast to Cartesian coordinates predetermine apophatic space in which the definition of an individual as a personality is based on the result of denial, separation from the environment. It is shown that an individual being (personality, product) is formed in the space of Dante's coordinates. There were identified specific behavioral modes (modus operandi) that lead to the formation of a personality.

Keywords: social space, cultural space, social coordinates, Dante's coordinates, apophatic space, personality, individual being.

Есть у Бориса Пастернака в цикле стихов *Заняты философией* стихотворение *Определение души*, которое постоянно будоражит ум своей загадочностью. Вот оно:

Спелой грушею в бурю слететь
Об одном безраздельном листе.
Как он предан – расстался с суком!
Сумасброд – задохнётся в сухом!

Спелой грушею, ветра косей.
Как он предан, – «Меня не затреплет!»
Отглянись: оттремела в красе,
Отпылала, осыпалась – в пепле.

Нашу родину буря сожгла.
Узнаёшь ли гнездо своё, птенчик?

¹ Владимир Александрович Конев – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета (г. Самара, Российская Федерация).

О мой лист, ты пугливей щегла!
Что ты бьёшься, о шёлк мой застенчивый?

О не бойся, приросшая песнь!
И куда порываться ещё нам?
Ах, наречье смертельное «здесь» –
Неведомёк содроганью сращенному.

Вот это – «...наречье смертельное “здесь”» – что значит? Где «здесь» и почему «смертельное»? Не в нём ли тайна души? Душа срывается с места, когда её захватывает порыв. Порыв желаний, страстей, стремления к тому, что станет её песней, её смыслом. И эта песня, этот её смысл будут вырваны из места, в котором они были укоренены, с которого душа срывается, от которого она бежит и которое перестаёт для неё быть местом жизни. «Здесь» – то есть всегда в одном и том же месте – смертельно для души. Её жизнь – вечное стремление. «Душа обязана трудиться», – скажет другой поэт. И хотя хотелось бы никуда не порываться, но «содрогание сращенное», «приросшая песнь» не знают смертельного «здесь», они постоянно влекут душу, уносят её в иное.

Не знаю, прав ли я в толковании стихотворения Б. Пастернака, но, во всяком случае, оно наталкивает на мысль о том, что *определение* человека (выявление, обнаружение им своих *пределов!*) организуется *пространством* его жизни. Пространство всегда считалось знаковой характеристикой тел. Уже Аристотель указывал на то, что место обладает «известной силой», так как

«верх находится не где придётся, а куда несутся огонь и лёгкое тело, равным образом не где придётся находится низ, а куда двигаются тела тяжёлые и землистые, как если бы эти определения различались не положением только, но известной силой» (Физика, IV, 1, 208в).

А Декарт протяжённость делает отличительной характеристикой материального тела, отделяющей *res extensa* от *res cogitans*. Более того, опираясь на введённое онтологическое различие, Декарт строит математическую абстракцию – прямоугольные координаты, которые представляют саму пространственность как таковую и тем самым делают явной операцию определения всякого тела: выявление его пространственных характеристик через отнесение к значениям координат. Принцип декартовых координат – отождествление данного с заданными значениями (известными характеристиками) – становится универсальным методологическим принципом естественнонаучного познания, которое всегда стремится выделить общее в вещах и их отношениях, признаёт уравнивание и отождествление, но отвергает отрицание (отрицательные определения), хотя снисходительно принимает отрицательный результат как «всё-таки» результат, закрывающий дальнейшее движение в этом направлении.

Этот принцип направляет и социальное познание. Питирим Сорокин, много сделавший для развития социологии, писал:

«Определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие “точки отсчёта”»².

Обратим внимание на то, что и для социолога социальные явления, и человек как социальное явление определяются через их пространственные характеристики. П. Сорокин прямо ссылается на опыт естествознания:

«Определение более или менее удовлетворительного геометрического положения требует учёта целой системы пространственных координат геометрической вселенной. То же относится и к определению “социального положения” индивида»³.

Положение любого человека в социальной вселенной определяется, считает П. Сорокин, системой *социальных координат*, которые задаются совокупностью социальных групп и положений внутри каждой из них.⁴ Такая система социальных координат называется у П. Сорокина подобна декартовым координатам, ибо их пространство – это пространство отождествления, уподобления, в котором определяемое получает существующие в этом пространстве значения.

Однако социальное пространство отличается от геометрического пространства, что отмечает сам Сорокин. Это отличие проявляется в том, что если «евклидово-геометрическое пространство» трёхмерно, то социальное пространство многомерно, ибо народонаселение, которое, согласно концепции социолога, и есть социальное пространство⁵, дифференцировано, и чем сложнее дифференцировано, тем многочисленнее параметры социального пространства⁶. Благодаря такому пониманию социального пространства Сорокин, как известно, создаёт стройную теорию социальной стратификации и социальной мобильности, показывая «перемещение населения и социальных тел» по вертикали и горизонтали. Но есть в теории стратификации и социальной мобильности, как представляется, один упущенный момент – анализ самого понятия «перемещение». Конечно, социолог понимает, что «социальное перемещение» скорее метафора, чем реальное движение, но поскольку изменение социального статуса может выражаться в реальном перемещении в конкретном физическом пространстве: пе-

² Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П. *Человек. Цивилизация. Общество*. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1992. С. 298.

³ Сорокин, указ. соч.

⁴ Там же, с. 299.

⁵ Сорокин, указ. соч.

⁶ Там же, с. 300.

реходя в некий «высший» слой, индивид может реально переехать в более престижный район города, в другую квартиру и т. п., – то термин «социальное перемещение» наполняется смыслами реального движения в реальном физическом пространстве – верхние, нижние слои, пирамида, плоский рельеф, равновесие и т. п.⁷ Об этом свидетельствуют и термины – вертикальная и горизонтальная мобильность, карьерная лестница, жизненный путь и т. п.

Подобный язык стал привычным как для повседневности, так и для науки, но он заглушает один чрезвычайно важный аспект в характеристике социального пространства – здесь происходят изменения даже тогда, когда нет никакого видимого перемещения в физическом пространстве. Например, жених и невеста стоят перед столом регистрации гражданских состояний, и уполномоченное лицо провозглашает: «Объявляю вас мужем и женой!». Ничего не меняется в окружении, но пара перестаёт быть женихом и невестой – они становятся супружеской парой, люди обретают другой социальный статус, меняют своё социальное положение. Такое изменение социального статуса Делёз и Гваттари назвали «бестелесной трансформацией»⁸. Авторы *Тысячи плато* пишут:

«Бестелесная трансформация распознаётся в своей мгновенности, в своей непосредственности, в одновременности высказываемого, которое выражает трансформацию, и производимого им эффекта»⁹.

Бестелесная социальная трансформация, всегда сопровождаемая либо высказываниями, либо знаковыми процедурами (ситуациями), указывает на смысловую оформленность социального пространства. Его гетерогенность (многомерность) определяется именно содержательной (значимой) определённой неких социальных позиций, которые развёртываются как система возможных (но не всегда актуальных!) действий индивида. Эта смысловая гетерогенность социального пространства предъясняет себя в оценке, поэтому оценка (и действие, несущее в себе оценку) становится мерностью социального пространства. А само социальное пространство – пространством оценок, пространством ценностей.

⁷ См. напр.: «Слишком плоский рельеф суть только лишь переходное состояние общества... Если стратификация становится слишком *высокой* и слишком *рельефной*, её *верхние* слои, или *верхушка*, рано или поздно *отсекаются*: революцией, войной, убийством, путём низвержения монарха или олигархов, путём ли новых мирных законов – способов много, и они разнообразны. Но результат их один и тот же: *выравнивание* слишком *высокого* и чересчур *нестабильного* политического организма. Вышеуказанными способами политический организм возвращается к состоянию *равновесия* тогда, когда форма *конуса* либо гипертрофированно *плоская*, либо *сильно возвышенная*» (курсив мой. – В.К.) (Сорокин, указ. соч., с. 351).

⁸ Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато: Капитализм и шизофрения* / Перев. с франц. и послесл. Я.И. Свирского; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С. 133.

⁹ Делёз, Гваттари, указ. соч., с. 134.

Конечно, различные виды социального пространства в разной степени обнаруживают свою ценностную природу. Меньше всего она проявляется в «цивилизационном» пространстве – пространстве вещного (предметного) действия человека, – хотя и его можно структурировать по степени ценностного значения вещей и способов их оформления (например, урбанизированное пространство и агропространство, зоны производства и зоны отдыха и т. п.). В большей степени выявляет ценностную природу «общественное» (социальное в узком смысле) пространство – пространство стратификации, системы социальных групп, позиций. И максимально ценностная природа социального пространства раскрывает себя в культурном пространстве – пространстве отношения (расположения) смыслов и ценностей, пространстве «работы» человека со смыслами и ценностями, пространстве произведений. В каждом типе пространства человеческого мира происходит социально-культурная трансформация индивида, в результате чего он обретает своё социальное бытие.

В полном согласии с известной формулой – [пространство = форма существования материальных систем] – тип социального пространства определяет форму социального бытия человека. Различные типы социального пространства по-разному *определяют* человека, различным способом организуют его социальную трансформацию. В цивилизационном пространстве, организуемом вещно-предметной деятельностью человека, и в общественном пространстве стратификации действует, прежде всего, принцип социальных координат, выявленный П. Сорокиным. Здесь индивид получает своё социальное определение по принципу «скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты»¹⁰. Это принцип декартовых координат. Но такой способ определения человека в социальном пространстве не раскрывает тайну появления самих значений социального пространства – да, индивид получает свои определения от окружения, но как возникло само это окружение, если в социальном пространстве всё появляется только благодаря действиям человека? Кто и как порождает новые значения в социальных пространствах?

И здесь мы снова можем обратиться к стихотворению Пастернака, в котором определение души связывается с её отрывом от «здесь», с её порывами, со «стремлением к перемене мест». Ей было суждено «в бурю слететь», быть «ветра косей», и этот принцип порождения определяет её судьбу. Разрыв с «социальными координатами» определяет душу. Песни, произведения, творения души, сама душа, а это всегда *Этот* человек, определяются не в социальных координатах, подобных декартовым, требующих отождествления, а в координатах отказа, ухода, разрыва, которые могут быть названы Дантовыми координатами.

¹⁰ Ср. у П. Сорокина: «Скажи мне, к каким социальным группам ты принадлежишь и каковы твои функции в пределах каждой из этих групп, и я скажу, каково твоё социальное положение в обществе и кто ты в социальном плане» (Сорокин, указ. соч., с. 299).

Божественная комедия Данте Алигьери – это картина жизни человеческой души, рассказ о её странствиях. Путь души через страдания и скорби земной жизни, жизни неподлинной, к очищению и обновлению, к подлинной жизни души на небесах – это путь спасения. Всё созданное Богом имеет своё место, своё предназначение в мире. Место души – Эмпирей, куда она устремляется легко и свободно, при условии если она очищена от груза грехов. Поэтому способ её поведения в «нетленной геометрии» (термин итальянского литературоведа Де Санктиса¹¹) пространства духовной жизни – *спасение*. А ради этого душа должна отказать от... – и круги Ада показывают нам, от чего она должна отказаться. Она должна очистить себя и покаяться в... – уступы Чистилища показывают нам, в чём она должна покаяться и от чего она должна воздержаться. Даже в небесах Рая, где все равно блаженны, всё-таки и там есть иерархия, потому даже здесь душа должна вести себя *от* меньшего блаженства к большему. Только в самом конце:

...в мой разум грянул блеск с высот,
Неся свершенья всех его усилий.
(*Рай*, XXXIII, 140–142)

Принцип архитектоники «нетленной геометрии» – уйти, чтобы прийти, отказаться, чтобы получить, воздержаться, чтобы насладиться, наконец, спуститься (в Ад), чтобы подняться (в Рай, к вечному свету). Парадоксальная антиномичность метрики «нетленной геометрии» с особой наглядностью демонстрируется топологией последнего отрезка пути Данте и Вергилия по телу Люцифера:

...мой вожатый
...стал спускаться *вниз* с клона на клок,
Меж корок льда и грудью волосатой.
Когда мы пробирались там, где бок,
Загнув к бедру, даёт уклон пологий,
Вождь, тяжело дыша, с усилием лёг
Челом туда, где прежде были ноги,
И стал по шерсти *подыматься ввысь*,
Я думал – *вспять, по той же вновь дороге*.
Учитель молвил: «Крепче ухватись...
Вот путь, чтоб нам из бездны зла спастись».
(*Ад*, XXXIV, 71, 74–84)

Это место из *Божественной комедии* вызвало множество толкований вплоть до того, которое даёт П. Флоренский в «мнимостях геометрии», считая, что Дантово пространство построено по типу эллиптической геометрии и вселенная Данте основывается на неевклидовой геометрии.¹² Возможно, что так оно и есть. Только вряд

¹¹ Санктис Ф. де. *История итальянской литературы*. Т. 1. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963. С. 217.

¹² См.: Флоренский П.А. *Мнимости геометрии*. М., 1922. С. 53.

ли флорентийский поэт рубежа XIII–XIV вв. задумывался об аксиомах и постулатах какой-либо конкретной (материальной) геометрии. Мне представляется, что ближе к истине в толковании этого места М.К. Мамардашвили, который в своих лекциях «Психологическая топология пути», посвящённых анализу онтологии сознания в романе Марселя Пруста *В поисках утраченного времени*, говорит, что этот переворот в точке, «где гнёт всех грузов отовсюду слился» (Ад, XXXIV, 111), означает изменение понимания Данте мира, о трансформации его души. Спускаясь в Ад, Данте имел один мир, знал один мир, а вернувшись – он видит другой мир. Тот был не понятый, а этот понятый.¹³

Метрика пространства жизни души задаётся Данте сразу в Первой песне *Ада*.

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу...

Так начинает Данте свою *Божественную комедию*. И здесь, пытаясь пройти через дикий лес, дремучий и грозный всякими бедами, стремясь к вершине, где светит «путеводная планета», герой встречает три препятствия: рысь, льва и волчицу.

И вот, внизу крутого косогора,
Проворная и вьющаяся рысь,
Вся в ярких пятнах пёстрого узора.
Она, кружа, мне преграждала высь,
И я не раз на крутизне опасной
Возвратным следом помышлял спастись...
...навстречу вышел лев с поднятой гривой.
Он наступал как будто на меня,
...И с ним волчица, чьё худое тело,
Казалось, все алчбы в себе несёт;
...Меня сковал такой тяжёлый гнёт
Перед её стремящим ужас взором,
Что я утратил чаяние высот.
(Ад, 1, 31–36, 45–54)

Произведение Данте – это грандиозный символический образ человеческого мира. Каждый персонаж, каждый шаг героев имеет все четыре толкования, применявшиеся в средние века к священным книгам *Писания*: буквальный, аллегорический, моральный и анагогический. Так и в этом первом приключении Данте: лес, холм, звери – всё имеет значение, как толкуют комментаторы. Сумрачный лес – аллегорически изображает заблуждения человеческой души, холм – восхождение к правде, звери – символы человеческих пороков: рысь олицетворяет иллюзорность земных радостей, сладострастие, обман; лев – гордость, силу, власть; вол-

¹³ Мамардашвили М.К. *Лекции о Прусте (психологическая топология пути)*. М.: Ad Marginem, 1995. С. 22–23.

чица – алчность и себялюбие. Три зверя представляют собою злые силы, препятствующие восхождению человека к совершенству, – и в этом открывается высшее символическое значение эпизода, его анагогический смысл.¹⁴

Но, развивая анагогическое толкование, можно выстроить ещё и методологическое толкование, то есть рассмотреть весь эпизод как заключающий в себе принцип и метод определения человека. При этом необходимо отметить, что мы имеем здесь дело с определением человека в двойном смысле. *Во-первых*, с определением человека в жизни, т. е. с тем, что, совершая реальные действия, человек определяет себя, ставит себя в определённую позицию. *Во-вторых*, со способом определения того, что такое человек, чем он является по своей сути. Эта двойственность понятия определения человека неслучайна. Она вытекает из онтологической природы человека и должна входить в само теоретическое представление о человеке: я определяю себя как человека, как личность – это есть мой реальный процесс жизни, но именно он и позволяет определить меня – дать имя, дать мою дефиницию. Определение человека – это перформативное действие, совершаясь, оно раскрывает себя, показывая свою определённую, отделившуюся от другого. Именно это и содержит в себе принцип Дантовых координат, который может быть выделен в методологическом толковании начального эпизода *Божественной комедии*.

Эпизод встречи Данте с дикими зверями на склоне холма символизирует универсальную жизненную *ситуацию*, в которой человек оказывается постоянно, и *выход* из которой *приводит* к его определению. Обратим внимание, что язык невольно несёт в себе пространственные ассоциации. Эту пространственную природу символического эпизода можно проинтерпретировать как координаты определения человека в жизни. Ложь, насилие, алчность (сладоотрастие, гордость, стяжательство) – это то, что человек должен *избежать*, если он хочет быть нравственным человеком, если он хочет стать человеком, если он хочет попасть в точку нравственности.

Ложь, насилие, алчность – это ценностные координаты, по которым определяется человек. Но это координаты особые, не те, которые мы находим у Декарта, где точка (тело) определяет себя в отношении к координатам, находя в них своё отражение. Это координаты отталкивания, а не отнесения, координаты преодоления, а не притяжения. Находясь в пространстве подобных нравственных, ценностных координат, человек в той мере определяет себя как нравственный человек (культурный человек), в какой он отталкивается от них, отрицает их значение и тем спасает своё нравственное лицо, себя как человека. В эпизоде у Данте это выражено буквально – человек спасается от растерзания дикими зверями.

¹⁴ См.: Голенищев-Кутузов И.Н. Примечания «А» // Данте А. *Божественная комедия*. М.: Наука, 1968. С. 496.

В представленных эпизодом Данте нравственно-ценностных координатах каждая из координат выражает негативное содержание. Для определения в них важна не степень (мера) развитости того или иного качества, с которым может быть связан человек – столько-то ему принадлежит по шкале лжи, столько-то по шкале алчности и т. п. (как действуют в поле декартовых координат), а важно абсолютное отрицание самой ценности, самого значения этой координаты. Как свежесть, по замечанию Воюта, может иметь только одну степень, которая будет и первой, и последней, так и ценность может быть человеком либо принята, либо отвергнута, ибо добродетелью, как и невинностью, или обладают, или нет. Поэтому Дантовы координаты – это координаты отрицания, которые задают апофатическое пространство. Человек обретает свою определённую (нравственную, культурную, личностную) в поле действия апофатического пространства через отрицание и отказ. Место человека в апофатическом пространстве – в фокусе, где сходятся значения его отрицаний. Этот фокус становится утверждением бытия человека.

Апофатическое пространство Дантовых координат реализует, если воспользоваться выражением Мамардашвили, «онтологический принцип неполноты бытия», который снимает классические предпосылки наличия полного бытия-знания, т. е. предположение такого мира, где всё «в себе» уже есть, а истина выступает соответствием мысли предданному состоянию дела¹⁵, что и предполагают декартовы координаты, где каждая точка уже имеет своё заданное значение. Совсем иное в Дантовых координатах – здесь нет предданной определённости,

«неопределённое ... предполагает область, а не безразмерную точку, то есть нечто, что и не определено до движения (ничего ещё нет!), и растянуто (факт извлечения опыта, в отличие от его содержания, имеет место в пространстве и времени, а не в идеальной точке)»¹⁶.

Декартовы координаты есть до всякого тела (точки) и до всякого движения. Дантовы координаты конституируются движением, действием, которое и придаёт им определённую. Апофатическое пространство требует активности человека, его усилия, метафизически первая и простейшая форма которого – воздержание, эпохе, остановка, ограничение. Именно через воздержание, ограничение человек выходит из природы (вспомним экзогамность рода), и благодаря им он обнаруживает свою границу, обнаруживает, где он отделён от внешнего для него мира, где он существует как *это* бытие, этот ин-дивидуальный (не-делимый) мир. Более того, апофатическое пространство, требующее активности человека, является именно тем пространством, в котором рождается новое, в котором новое не дано, а задано, появляется из небытия. Оно появляется из

¹⁵ Мамардашвили М.К. *Классический и неклассический идеалы рациональности*. Тбилиси, 1984. С. 79–80.

¹⁶ Там же, с. 80.

небытия, но не из ничто, а из «не это, не это, не это...», которое так хорошо известно всякому, кто когда-либо искал нечто новое, кто был в ситуации творчества.

Можно утверждать, что исходной процедурой Дантовых координат будет материальная импликация: «Если не это, не это, то...», – где антецедент будет всегда отрицаемым, а консеквент, в свою очередь, часто становится отрицаемым антецедентом с целью перехода к последующему консеквенту и т. д. Отрицание – способ проявления оценки (*negito ergo valet* – отрицаю, следовательно, значит), а принятие некоего результата вследствие отрицания есть утверждение выделенного (созданного) бытия (*affirmo ergo est* – утверждаю, следовательно, есть). Так и зарождаются новые значения в социальном пространстве.

Таким образом, фундаментальным свойством человека, выделяющим его в *особый* мир, является свойство негации, действие воздержания, остановки. Именно это делает его онтологически суверенной реальностью, реальностью, имеющей своё лицо. Ситуация человека рождается в результате трансценденции, она полна внутренней конфликтности, она устроена (возникает, становится, утверждается, организуется и т. д.) актом отрицания (воздержания). Эта ситуация человека разворачивается в историю и культуру. Здесь, в истории и культуре, онтологическая фундаментальность акта отрицания, рождающего апофатическое пространство, находит своё воплощение и проявление в феномене прехождения (история) и в феноменах запрета и ценности (культура).

Культурное пространство – это пространство Дантовых координат, в котором отрицание становится *modus operandum* культурного феномена. Неслучайно в истории культуры первыми развитыми нормами оказались нормы-запреты (табу, ограничения и т. п.). Запрет в культуре сразу помещает человека в апофатическое пространство Дантовых координат, ибо ориентирует его на воздержание. Но и позитивная норма также ставит человека в то же пространство, поскольку всякая позитивная норма в культуре потому и возникает, что может существовать альтернатива. Апофатический характер культурного пространства с особой наглядностью проявляется в ценностях, которые, как показал ещё Г. Риккерт, выявляют своё отличие от понятий бытия через критерий отрицания. Ценность всегда амбивалентна, и её смысл определяется только в отражении и взаимном отрицании ценностных полюсов. Вспомним, как Эрот в *Пире* Платона ведёт человека к пониманию идеи красоты: от красоты одного тела к красоте всех тел, от телесной красоты к красоте поступков, от красоты поступков к красоте души, от красоты души к красоте познания и, наконец, к разумению идеи красоты. Через «отталкивание», через «не то.., не то...» к уяснению того, *что* должно быть. Но и это «что должно быть» само существует в фокусе отрицания: прекрасное по природе – это «нечто, во-первых, вечное, то есть **не** *знающее ни рождения, ни гибели, ни роста, ни оскудения*, а во-вторых, **не** *когда-то прекрасное*,

а в чём-то безобразное, **не** когда-то, где-то, для кого-то и сравнительно с чем-то прекрасное, а в другое время, в другом месте, для другого и сравнительно с другими безобразное». Прекрасное предстаёт «**не** в виде какого-то лица, рук или иной части тела, **не** в виде какой-то речи или знания, **не** в чём-то другом, будь то животное, земля, небо или ещё что-нибудь, а само по себе, всегда в самом себе единообразное... (выделено мной. – В. К.)» (Платон. *Пир*, 211ab).

По принципу координат отталкивания строит свою апофатическую теологию Псевдо-Дионисий Ареопагит. Отвлекаясь от «деятельности и чувств своих и разума, от всего чувственно воспринимаемого, и от всего умопостигаемого, и от всего сущего, и от всего не-сущего ... только совершенно отказавшись и от себя самого, и от всего сущего, то есть всё отстранив и от всего освободившись, – пишет Ареопагит, – ты сможешь воспарить к сверхъестественному сиянию Божественного Мрака». ¹⁷ (NB! – *сияние мрака*.) На это же указывает распространённый в мифах, сказках, легендах, эпосе, а затем и в художественной литературе мотив ухода героя, ухода, который приводит его в конце концов к самому себе. Уходит Авраам из Ура и находит Бога, уходит прекрасный Иосиф, странствует Одиссей, почти все культурные герои, будучи высокого происхождения по рождению, своё детство проводят не в семье, а в изгнании, вдали от дома (Эдип, Тесей, Моисей); уходят в поисках счастья герои русских волшебных сказок, героям пьесы Метерлинка нужно было уйти из дома в поисках синей птицы счастья, чтобы потом обнаружить её в своём доме. После принятия крещения и сошествия Святого Духа уходит на сорок дней в пустыню Христос и там подвергается искушению, каждое из которых почти прямо совпадает со значением угроз у Данте в Первой песне *Ада*: преврати камни в хлеб – мирские желания и радости; поклонись, и дам тебе весь мир – власть; бросься вниз с храма, и пусть ангелы тебя понесут – себялюбие (Мтф., 4,1–11).

Апофатическое пространство Дантовых координат выражает сущность культурного бытия, ибо оно всегда особенно и индивидуально, а особенность и индивидуальность раскрываются в различии, различие же и небытие, как это показал ещё Платон в *Софисте*, совпадают (см. *Софист*, 256e – 259v). Культура – это бытие индивидуальных событий в пространстве различий, или пространстве апофатических координат.

Движение в пространстве Дантовых координат – необходимое условие определения (определённости) человека, его суверенности и свободы. Как заметил С. Кьеркегор, «сила, энергия и свобода духа необходимы для того, чтобы осуществить бесконечное движение самоотречения» ¹⁸. Только в воздержании и самоотречении возникает опыт свободы, только в акте отрицания и осознаётся свобода, именно поэтому она прежде всего ассоциируется с освобождением

¹⁷ Дионисий Ареопагит. Божественные имена // *Мистическое богословие*. Киев, 1991. С. 5.

¹⁸ Кьеркегор С. *Страх и трепет*. М., 1993. С. 47.

от., с независимостью, что и заложено в принципе Дантовых координат. Однако человек, определяясь через отрицание, через нетствование, не оказывается небытием, а получает определённую бытия, причём бытия значимого. Эта определённая значимость есть вера.

«Бесконечное самоотречение – это последняя стадия, непосредственно предшествующая вере ... ибо лишь в бесконечности самоотречения я становлюсь ясным для самого себя в моей вечной значимости, и лишь тогда может идти речь о том, чтобы постичь наличное существование силой веры».¹⁹

Но если датский философ имел в виду веру религиозную, то, говоря о вере как значимой точке Дантовых координат, фокусирующей в себе все нетствования, я имею в виду веру как состояние, в котором индивид отождествляет себя с самим собой благодаря «абсолютному отношению к абсолюту»²⁰, и не обязательно к религиозному абсолюту, а к абсолюту как пункту самоотжествования. Абсолют и есть эта точка самоотжествования. Но, повторю, чтобы она возникла, должна вначале произойти негация. Абсолют возникает как результат, как момент остановки негации, так как должна, в конце концов, появиться точка опоры. Конечно, негация может не останавливаться, но в таком случае она перестаёт быть продуктивной. Но если она становится продуктивной, тогда она заканчивается утверждением самодостаточности Я, или культурным абсолютом. Кьеркегор прав, что в вере единичный индивид стоит выше всеобщего, что самодостаточность Я возникает на парадоксе, а следовательно, в Я, в точке абсолюта не действует закон противоречия. Но тогда на чём основывается определённая абсолюта? Основанием определённости в этом случае выступает *modus operandi* утверждения индивидуальности: «Если А, то уж А», – который не является только действием в идеальной сфере, а обязательно включает акт бытийной аффирмации – реальный поступок, демонстрирующий свершившуюся бестелесную трансформацию.

«Свобода от...» открывает только первый план свободы, которая, конечно, не сводится к отрицанию. Свобода должна содержать в себе и направленность, быть «свободой для чего-то». Да и само отрицание должно в конце концов окончиться утверждением. Если Дантовы координаты заданы ценностями апофатическими, то в их пространстве должны проявиться и ценности катафатические, ибо ценности как культурные формы всегда амбивалентны. Таким местом проявления катафатической ценности становится та позиция, которую утверждает человек, тот фокус, где сходятся отрицания, где отрицание осознаётся как отрицание, т. е. осознаётся его основание. В ситуации Первой песни *Ада* эту позицию олицетворяет Вергилий. Вергилий, которого Данте называет отцом,

¹⁹ Кьеркегор, указ. соч., с. 46.

²⁰ Там же, с. 60.

мастером, учителем, проводником, знающим путь, олицетворяет земной разум; ему ведомы праведные пути и высшие ценности культуры. Следование его направлению, идентификация с его ценностями, опора на его поддержку гарантируют избегание гибели и зла. В системе Дантовых координат Вергилий представляет катафатическую координату.

Присутствие в системе Дантова пространства как апофатических, так и катафатических ценностей демонстрирует также *Первый псалом Давида*:

Блажен муж,
Который *не* ходит на совет нечестивых,
И *не* стоит на пути грешных,
И *не* сидит в собрании развратителей,
Но в Законе Господа воля его,
И о Законе Его размышляет он день и ночь.

То же видим и в эпизоде искушения Христа в пустыне, когда Иисус на каждое из трёх предложений Сатаны отвечает словами *Писания* (Мтф. 4, 1–14). Как в случае с апофатическими координатами, которые всегда конкретны в конкретных ситуациях действия, так и катафатическая координата может быть именована по-разному, но она всегда репрезентирует существенно важную для человека ценность, в идеале – высшую ценность культуры. Отталкиваясь, отрицая апофатические ценности, человек опирается на ценности катафатические, которые заданы культурой, но которые ещё не стали его собственным бытием. Ибо собственное бытие становится в результате собственных усилий человека, а не в результате принятия ценностей культуры и идентификации с ними. Именно поэтому логически первичными в пространстве становления человека как личности являются апофатические координаты, хотя исторически первична координата катафатическая.

Катафатическая ценность, входя в систему Дантовых координат, приобретает значение, подобное по функции значению апофатического пространства. Это пространство в культуре представлено как запреты, а катафатический вектор связан с идеей греха. Грех – это запрет на отрицание идентификации с катафатическим вектором Дантовых координат. Так реализуется изотропность пространства Дантовых координат: их пространство строится на основе отрицания, но если отрицание апофатического вектора рождает «свободу от...», то отрицание отрицания катафатического вектора (отказ от греха) рождает «свободу для...». Идентификация человека с катафатической ценностью включает в себя отказ, отрицание как воздержание от греха. Именно этот момент служит превращению бытия, «принятого извне», в «своё бытие», т. е. бытие, самим человек утверждённое. Не сама идентификация с позитивными ценностями культуры формирует свободного человека, способного к самостоятельному индивидуальному утверждению, а постоянное осознание возможного отклонения от них и активное

избегание «греха». Поэтому прав Ж.-П. Сартр, когда подчёркивает, что главное не то, что сделали из человека, а то, что он делает из того, что из него сделали.

С утверждением своей позиции в зоне апофатического пространства связан третий *modus operandi*: «Теперь, когда утвердилось.., то...». «На том стою и не могу иначе». Человек утверждает свою (себя и мира) реальность, своё бытие, за которое он теперь несёт ответственность. Эту фундаментальную, конституирующую человека характеристику выразил Кант в учении о долге, в котором, по Канту, и заключена человеческая свобода.

«Мораль, поскольку она основана на понятии о человеке как существе свободном, но именно поэтому и связывающим себя безусловными законами посредством своего разума, не нуждается ни в идее о другом существе над ним, чтобы познать свой долг, ни в других мотивах, кроме самого закона, чтобы долг исполнить»²¹.

Интерпретировать эту мысль Канта с точки зрения развиваемых здесь положений можно было бы так: определённости человека, его моральное лицо выражается не в том, что он с чем-то или с кем-то себя отождествляет – с Богом или с какими-либо ценностями (действие в социальных координатах П. Сорокина), а в том, что он знает («посредством своего разума») свой долг, который безусловен и реализуется в свободном самоограничении. Безусловность долга означает, что только через него человек может обрести себя, а если он не попадёт в «поле» действия долга, то просто себя не найдёт. Долг всегда есть воздержание от чего-то, он всегда несёт в себе момент преодоления, отталкивания, т. е. закон долга требует действия по принципу Дантовых координат. Но сам долг как таковой «может указать, как нужно действовать, но не знает, для чего это нужно (курсив мой. – В. К.)», поэтому разум должен иметь, по Канту, идею высшего блага, с которой он должен согласовывать свои поступки, т. е. иметь своего Вергилия.²² В безусловности и формальности нравственного закона – действуй через воздержание – задан способ определения, свойственный пространству Дантовых координат.

Действие человека в культуре и обществе по принципу Дантовых координат приводит в конце концов к тому, что в жизни человека, в его жизненном определении, наступает момент, когда он перестаёт нуждаться в Проводнике, олицетворяющем катафатическую координату, и сам становится её определением. Об этом говорит Вергилий, расставаясь с Данте:

Отныне уст я более не открою;
Свободен, прям и здрав твой дух; во всём
Судья ты сам; я над самим тобою

²¹ Кант И. *Трактаты и письма*. М.: Наука, 1980. С. 78.

²² Кант, указ. соч., с. 79–80.

Тебя венчаю митрой и короной.
(*Чистилище*, XXVII, 139–142)

Определение человека по Дантовым координатам – это определение его свободы и содержания этой свободы, это формирование самой способности человека утверждать свою судьбу, быть для себя и господином (венец), и первосвященником (митра), и в то же время быть в согласии с миром, постоянно видя и устанавливая дистанцию между собой и миром. Декартовы координаты нарушили этот принцип, увидев свободу в подчинении необходимости. Олицетворением Декартова принципа в человеческом поведении стал гётевский Фауст. Герой Гёте заявляет своему «Вергилию»:

Широкий мир земной
Ещё достаточен для дела.
Ещё ты поразишься мной
И выдумкой моею смелой!

Он хочет строить плотину, чтобы ликвидировать «бессмыслицу» и бесполезность приливов и отливов океана. И:

...не в славе суть. Мои желанья –
Власть, собственность, преобладание.
Мое стремление – дело, труд.

Здесь те же ценностные координаты, что и у Данте. Но если герой Данте избегал соблазнов власти, стяжания и прелестей, то фаустовский человек с ними отождествляется. Здесь Дантовы координаты сменились на декартовы. Не стала ли смена дантовского пространства жизни человека пространством Декарта–Фауста глобальной причиной мирового кризиса культуры? Фаустовский человек – человек труда, но это и человек потребления и насилия. Это человек цивилизации. А дантовский человек – человек культуры.

Двадцатый век раскрыл все достоинства картезианской цивилизации и одновременно открыл бездны возможных катастроф. Просвещённый и гордый Ум должен был вспомнить о Духе. Олицетворением страдания Духа Живаго в пространстве картезианской цивилизации стал Доктор Живаго, герой ухода, остранения и внутреннего сосредоточения, человек культуры. Он ждёт возрождения адекватного для себя жизненного пространства.